

РУКОПИСНАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ

(ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ)

Предмет нашего рассмотрения — рукописные произведения, созданные в XVIII веке и распространявшиеся в России в демократической среде. В данном случае мы имеем в виду средние и низшие слои общества, к которым принадлежали мелкопоместное дворянство и низшее чиновничество, младшие офицеры и солдаты, духовенство, купечество и мещанство, ремесленники и мастера, свободные крестьяне и крепостные, слуги и учащиеся, а также работный и деклассированный люд. Одним словом, нас интересует так называемая «массовая» по способу распространения, «низовая» по происхождению рукописная литература XVIII века. В отличие от «высокой» литературы, т. е. литературы Прокоповича и Бужинского, Кантемира и Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова, Фонвизина и Державина, Радищева и Карамзина, которая в основном была печатной, она создавалась и распространялась в XVIII веке как народная *рукописная* книга, в виде сборников, тетрадей и отдельных листов; к ней примыкает и лубок.

Впервые в советское время проблема «массовой» или «низовой» рукописной литературы и ее читателя была поставлена в дискуссии, открытой 6 апреля 1934 года в Институте русской литературы¹ в связи с выходом в свет статьи В. А. Десницкого «О задачах изучения русской литературы XVIII века»,² а также девятой—десятой книг «Литературного наследства» со статьями Г. А. Гуковского «За изучение XVIII века» и Д. П. Мирского «О некоторых вопросах изучения литературы XVIII века».

В своей статье В. А. Десницкий противопоставлял рукописную литературу «основному потоку дворянского классицизма» как культуру «третьего сословия» и предлагал ее изучать, несмотря на «нелитературность» и «второстепенность». Позднее, в 1936 году, ему возражал П. Н. Берков.³ По его мнению, литература XVIII века, в том числе и рукописная, обслуживала интересы не одного класса, а отражала общественное сознание России эпохи чиновничье-дворянской монархии с характерной для нее борьбой дворянской и демократической идеологий всех оттенков. Критикуя В. Н. Перетца и В. В. Буша за противопоставление рукописной и печатной «высокой» литературы и за понимание «массовой» литературы как чтения для народа исключительно,⁴ П. Н. Берков настаивал на том, что рукописная литература не имела замкнутого характера и что разрыв между литературой «высших» и «низших» слоев не наблюдался. Он подверг критике понятие «массовая литература», считая, что два критерия «массовости» — «демократический читатель» и «рукописная форма распространения» — имеют разную емкость. Ведь в первой

¹ См. отчет в «Вестнике АН СССР» (1934, № 6, стр. 50—51).

² Статья В. А. Десницкого была напечатана в 1932 году в журнале «Литературная учеба» (1932, № 7—8, стр. 37—67); то же в кн.: Ирой-комическая поэма. Ред. и прим. Б. Томашевского. Вступ. статья В. А. Десницкого. Изд. писателей в Ленинграде, 1938, стр. 9—73. Ср.: В. А. Десницкий. Еще к вопросу об изучении литературы XVIII века. «Литературное наследство», т. 19—20, 1935, стр. 617—671. Обе статьи перепечатаны в кн.: В. Десницкий. На литературные темы, кн. 2. Гослитиздат, Л., 1936, стр. 66—181.

³ П. Н. Берков. К вопросу об изучении массовой литературы XVIII в. «Известия АН СССР, Отделение общественных наук», 1936, № 3, стр. 459—472.

⁴ См. вводную статью в кн.: В. Н. Перетц. Выставка массовой русской литературы в XVIII веке. Путеводитель. Изд. АН СССР, Л., 1934; В. В. Буш. Древнерусская литературная традиция в XVIII в. (К вопросу о социальном расхождении читателя). «Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского», т. IV, вып. 3, 1925, стр. 1—11.

Во-вторых, рукописная литература XVIII века была продолжением и развитием сплошь рукописной традиции XI—XVII веков. В XVIII веке все еще переписывались и перерабатывались такие произведения, как повести об Акире, о Бове (1734), о Еруслане Лазаревиче, о Ерше, о куре и лисипе, о Петре Златых Ключей, о Петре и Февропии (1790), о Шемякином суде. Демократическая сатира XVII века оказала существенное влияние на такие произведения рукописной сатирической литературы XVIII века, как «Дело о победе с Пушкинских улиц петуха от куриц», «Повесть о крестыняном сыне» (в списке 1792 года), «Глухой паспорт», «Плач холопов», «Челобитная судье-свинье» и др. Повести о Петре Златых Ключей и о царице и львице переделывались в одноименные драмы, «Повесть о Василии Златовласом» — в «Повесть о французском сыне» и т. д.

К вопросу об отношении рукописной литературы XVIII века и древнерусской литературной традиции, поставленному еще Н. И. Новиковым в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772), а на иных принципах А. Н. Пыпиным, обратился в советское время В. В. Буш.⁹ В своей статье он рассмотрел влияние «социально-экономического сдвига» на расслоение читателя в начале XVIII века, бытовало в XVIII веке произведений допетровской литературы и принципы составления в это время сборников и библиотек, связанные с традицией предыдущих веков. Ценный вклад в разработку проблемы внесли М. Н. Сперанский, В. Д. Кузьмина, Г. Н. Моисеева и др.¹⁰

В-третьих, рукописная книжность XVIII века была тесно связана с фольклором: русские былины об Илье Муромце, а устные сказания и легенды повлияли на рукописную повесть (об Архилабоне, о Ефродите и Максоне, о Ярополе и др.); книжно-песенные стихи, канты и псалмы продолжали традиции не только силлабической поэзии и старой гимнографии, но и народно-поэтических песен. В исследовательской литературе этой проблеме уделено сравнительно мало внимания.¹¹

В-четвертых, сложным было отношение рукописной книги к печатной. Так, рукописная литература XVIII века нередко служила источником для авторов печатных повестей и романов: повести о Бове и Еруслане, возможно, повлияли на «Игру судьбы» Н. Ф. Эмина, «Русские сказки» В. А. Левшина, «Пересмешник» М. Д. Чулкова, «История об Александре» — на «Несчастливого Никанора», «Повесть о Фроле Скобееве» — на «Повесть о Селуяне Сальникове» Ивана Новикова, а «Повесть о Бове» послужила основой для одноименного произведения А. Н. Радищева и т. д.

Целый ряд рукописных повестей во второй половине XVIII века попадает в печать: пять изданий выдержало основанное на рукописной повести о Героне (Георге) произведение Матвея Комарова «о приключении аглинского милорда Георга и о брандбургской марграфине Фридришке-Луизе» (1782, 1785, 1786, 1789, 1791, 1799), дважды увидели свет повести о Петре Златых Ключей (1780, 1796), о Полицоне (1787, 1796), о Бове (1790, 1791). А в рукописные сборники во второй половине XVIII века переписываются многие произведения, появившиеся сперва в печати. Например, в Угличском сборнике конца XVIII века, наряду с «Романом о доне Рамиро и Изабелле», источник которого нам неизвестен, содержатся следующие произведения: «Любовь сильная дружбы. Повесть гишпанская» М. А. Гомес в пер. с фр. В. И. Лукина (СПб., 1764), «Похождение Керая и Каллироп» Харитона в пер. с нем. И. И. Акимова (СПб., 1763), «История о Иерониме» в пер. с фр. И. В. Шипкина (Московский университет, 1765), «О персидском шахе Тахмас-Кулы хане» в пер. с фр. С. Ф. Решетова (СПб., 1762), «О принце Флоридоре» Ф. А. Эмина (СПб., 1763), «Сто новых новостей» М. А. Гомес в пер. с фр. (СПб., 1765) (рукопись Научной библиотеки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, собр. И. А. Шляпкина, № 461 (по В. Н. Перетцу) или № 92/207 (по И. А. Шляпкину)). В библиотеке известного библиофила XVIII века капитана Я. Я. Мордвинова мы находим в сборниках XVIII века, наряду с произведениями «низовой» литературы, сочинения Ломоносова (рукописи Государственного Литературного музея, №№ 53, 59, 64, 66, 76), Нартова и Нарышкина (№ 64), Сумарокова (№№ 48, 54, 92),

⁹ См. его статью «Древнерусская литературная традиция в XVIII в. (К вопросу о социальном раслоении читателя)».

¹⁰ Подробную библиографию исследований см. в кн.: История русской литературы XVIII века. Библиографический указатель. Составил В. П. Степанов, Ю. В. Стенник. Под ред. П. Н. Беркова. Изд. «Наука», Л., 1968, стр. 32—35, 163—177; см. также «Труды Отдела древнерусской литературы», тт. I—XXXI (1934—1976) и четыре сборника, изданные группой древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького: Исследования и материалы по древнерусской литературе. Изд. «Наука», М., 1961; Древнерусская литература и ее связи с новым временем. Изд. «Наука», М., 1967; Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). Изд. «Наука», М., 1971; Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.). Изд. «Наука», М., 1976.

¹¹ Библиографию исследований см. в кн.: История русской литературы XVIII века. Библиографический указатель..., стр. 178—191.

Третьяковского (№№ 59, 64), Фонвизина (№№ 52, 55), Хераскова (№№ 53, 59, 64), переводы из Вольтера (№ 46), Баркли и Фселопы (№ 59), Оуэна, Миоре и Овидия (№ 64), Мольера (№ 48) и т. д.

Взаимодействие рукописной и печатной книги XVIII века рассматривается также советскими книговедами. Об исключительной важности позднего этапа истории рукописной книги для развития русской культуры в последнее время писали, кроме С. П. Лущова (на его работах мы остановимся далее), Н. Н. Розов, А. С. Мыльников, И. Ф. Мартынов, Г. Н. Моисеева.¹² Ими были отмечены некоторые особенности этого этапа истории рукописной книги с точки зрения книговедения: большая демократичность самого способа ее создания, независимость от цензурных установлений государства и церкви, тесная связь с конъюнктурой книжного рынка, стремление преодолеть узость и восполнить пробелы тематики печатной продукции и т. п. Применяя основанный на археологии и текстологии книговедческий метод, историки книги много сделали для выявления репертуара, путей и способов распространения рукописной литературы, для характеристики ее взаимодействия с печатной книжностью, изменения читательских вкусов и потребностей начиная с 60-х годов XVIII века в связи с резким увеличением книгопечатной продукции и новой ее функциональной ролью: печатная книга из орудия учебы становится средством массового потребления. Книговеды поставили вопрос и о причинах долгого существования рукописной традиции и поводах к ее сохранению в XVIII—XIX веках, связав историю рукописной книги с национально-политической и религиозной борьбой, а также с развитием библиофильства и практикой создания рукописного подносного экземпляра по торжественному случаю. Однако в силу специфики предмета исследования книговеды не изучали данную проблему в историко-литературном плане, с точки зрения места рукописных произведений в борьбе литературных направлений и философско-эстетических идей. Эти вопросы должны решать литературоведы.

В-пятых, сложным и разветвленным был репертуар и жанровый состав рукописной литературы XVIII века. В известной мере он зависел от того, где родилась, как развивалась и кого обслуживала данная рукописная литература. Изучение репертуара и жанрового состава рукописной литературы — дело первостепенной важности. Началось оно давно. Исследователи хорошо понимали, что прежде чем изучать рукописную литературу, необходимо обладать всей полнотой информации о дошедших до нас текстах, необходимо их опубликовать. Наш краткий историографический экскурс проясляет эту мысль.

* * *

Еще А. Н. Пышин в середине XIX века первый пытался с позиций культурно-исторической школы поставить проблему истории одного из жанров — светской рукописной повести от ее истоков до конца XVIII века.¹³ Он изучал повести как источниковед: устанавливал их репертуар, собирал списки, определял даты, редакции и источники, разыскивал имена переводчиков и авторов произведений. Всего

¹² Н. Н. Розов. 1) Светская рукописная книга XVIII—XIX вв. в собрании А. А. Титова. В кн.: Сборник Государственной публичной библиотеки им. М. В. Салтыкова-Щедрина, т. II. Л., 1954, стр. 127—146; 2) Русская рукописная книга. Этюды и характеристики. Изд. «Наука», Л., 1971, стр. 87—103; А. С. Мыльников. 1) Культурно-историческое значение рукописной книги в период становления книгопечатания. В кн.: Книга. Исследования и материалы, сб. IX. Изд. «Книга», М., 1964, стр. 37—53; 2) Вопросы изучения поздней рукописной книги (проблематика и задачи). В кн.: Рукописная и печатная книга. Изд. «Наука», М., 1975, стр. 19—36; И. Ф. Мартынов. 1) К вопросу о русском книжном репертуаре второй половины XVIII в. (проблема сосуществования и взаимодействия печатной и рукописной светской книги). В кн.: Рукописная и печатная книга, стр. 193—205; 2) Литературные рукописи из собрания Музея Приенисейского края в Библиотеке Академии наук СССР (обзор). В кн.: Археология и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975, стр. 149—155; Г. Н. Моисеева. К проблеме взаимодействия рукописной и печатной книги в России XVIII века. В кн.: Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. Вторая Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения. Секция рукописной книги. Тезисы докладов. М., 1974, стр. 16—17.

¹³ А. Н. Пышин. 1) О романах в старинной русской литературе. «Современник», 1854, № 12, отд. 2, стр. 59—110; 2) Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857 (то же в кн.: Ученые записки 2-го отд. Имп. Акад. наук, 1858, кн. IV, отд. 2, стр. 1—360); 3) Для любителей книжной старины. (Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр. в особенности из первой половины XVIII в.). М., 1888 (изд. 2-е с дополнением в кн.: Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891); 4) История русской литературы, т. III. СПб., 1899.

им было обследовано 270 рукописей XVIII века и установлены названия 6 оригинальных и 127 переводных повестей. Это была важнейшая работа, без которой невозможны крупные обобщения и теперь.

Одновременно и другие ученые стали вести разыскания текстов повестей и публиковать некоторые из них (М. П. Погодин, М. И. Сухомлинов, Л. Н. Майков и др.). Так были изданы повести о Фроле Скобеяе, об Александре, о Василии Карпотском, о Долторне, о Париже и Вене, о французском сыне и мн. др.¹⁴

В. В. Сиповский продолжил эвристическую работу А. Н. Пыпина, составив перечень более чем 2000 названий печатных романов и повестей (1730—1800), многие из которых были основаны на рукописной повести XVIII века;¹⁵ он же издал хрестоматию рукописной повести XVII—XVIII веков, в состав которой вошло четыре ранее известных повести (о Фроле Скобеяе, о Василии Карпотском, о двоюродные Александре, отрывок из «Романа в стихах»), а также 6 новонайденных: об Архиплабоне, о царевиче Ярополе, о купце Иоанне, о царевне Персике, о португальских и бранденбургских мудрецах, о царе Василии Константиновиче.¹⁶ Однако В. В. Сиповский издал их по случайным спискам, не использовал для текстологической работы многие другие списки, при передаче текста не произвел деления на отдельные слова, сохранил орфографию подлинников.

До революции вышли в свет основные и единственные в своем роде справочники по церковно-школьной и старообрядческой рукописной книжности XVIII века, в которых учтены как анонимная литература, так и произведения с указанием книжников. Десятки имен писателей духовного чина, многие сочинения которых сохранились только в рукописях, зафиксированы в фундаментальном «Обзоре русской духовной литературы» Филарета Гумилевского (изд. 1-е — Харьков, 1859; изд. 2-е — 1873; изд. 3-е — СПб., 1884) и в кратком «Словаре писателей русской литературы (1700—1825)» А. В. Арсеньева (СПб., 1887), а также в «Словаре историческом о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви» в двух частях Е. А. Болховитинова (СПб., 1818; изд. 2-е — 1827). Неоценимыми справочниками по истории старообрядческой книжности XVIII века явились публикации О. М. Бодянского труда П. Л. Светозарова (Павла Любопытного) «Каталог или библиотека староверческой церкви» (изд. 1-е — «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», 1863, кн. 1; изд. 2-е — Саратов, 1914) и библиография старообрядческих сочинений В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев» (СПб., 1913); в последней зарегистрировано до 1000 названий произведений более чем ста старообрядческих писателей.¹⁷

В советское время большую пользу исследователям принесли справочно-библиографические труды П. К. Пиксанова, В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, А. А. Назаревского,¹⁸ а также фундаментальный труд М. Н. Сперанского «Рукописные сборники XVIII века», изданный через 15 лет после его смерти В. Д. Кузьминой.¹⁹ Книга М. Н. Сперанского, основанная, как уже отмечалось, на изучении 500 сборников XVIII века, является «первой попыткой выявить материал сборников, наметить его классификацию и определить его историко-литературную ценность». Это второй после А. Н. Пыпина значительный шаг в деле планомерной и систематической разработки обширного рукописного наследия XVIII века. Обращение к сборникам объясняется тем, что «сборник весьма характерен для этой литературы по своему составу: он наглядно отражает литературные вкусы и интересы демократических читателей XVIII в., а также показывает изменение этих интересов и вкусов с течением времени. На сборниках XVIII в. легче всего, в силу подвижности их состава, проследить и другую характерную черту „средней“ и „низшей“ литературы XVIII столетия — традиционность содержания и ее разносторонность, а стало быть, и эволюцию».²⁰ В заключение М. Н. Сперанский правомерно поставил вопрос о том, какой материал дает изучение рукописных сборников XVIII века для истории русской литературы в целом. Книга снабжена ценными

¹⁴ Подробную библиографию см. в кн.: История русской литературы XVIII века. Библиографический указатель..., стр. 163—177.

¹⁵ В. В. Сиповский. Из истории русского романа и повести. (Материалы по библиографии, истории и теории русского романа), ч. I. XVIII век. СПб., 1903.

¹⁶ Русские повести XVII—XVIII веков. Под ред. и с пред. В. В. Сиповского. СПб., 1905.

¹⁷ Дополнения см. в рецензиях В. З. Белолыкова («Труды Киевской духовной академии», 1913, № 7—8, стр. 564—586) и В. И. Власова («Церковь», 1912, № 50, стр. 1195—1198; № 51, стр. 1222—1224).

¹⁸ Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть. (Введение в историю повести. Темы для литературных работ. Систематическая библиография. Руководящие вопросы). Приложение: тексты трех повестей. М.—Пг., 1923; В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть. (Библиография истории древнерусской литературы), вып. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940; А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955.

¹⁹ М. Н. Сперанский. Рукописные сборники..., стр. 7.

²⁰ Там же, стр. 24.

библиографическими примечаниями В. Д. Кузьминой и предметными указателями. Последние чрезвычайно важны, так как содержат перечни рукописных произведений XVIII века по жанрам. В них зафиксировано 9 оригинальных повестей (против 6 у Пыпина), 49 переводных повестей (против 127 у Пыпина) и 71 произведение мелкой беллетристики (у Пыпина нет). Особую ценность представляет перечень лубочных изданий, совпадающих или близких по тексту с отрывками из сборников XVIII века. Тем самым открывается возможность текстологического изучения лубка в его отношении к рукописным текстам. Недостаток книги — неотделенность задач историко-литературного исследования от книговедческих проблем, неотделенность произведений старой традиции от произведений новой традиции; заметим также, что пятьюстами рукописями далеко не исчерпывается объем рукописной книжности XVIII века.

В последние четыре десятилетия советскими исследователями было разыскано и издано немало неизвестных и малоизвестных произведений (В. П. Адрианова-Перетц, Н. А. Бакалова, П. И. Берков, Л. А. Дмитриев, С. Ф. Елосский, В. Д. Кузьмина, М. В. Кукушкина, Ю. М. Лотман, В. И. Малышев, Г. И. Моисеева, М. В. Николаева, А. В. Поздисев, Н. П. Розов, М. И. Сперанский, Л. В. Тиганова и др.). Были изданы повести об Анне и Александре, Александре и Вене, Дикаронии и Елизавете, Карле и Софии, Леопольде и Маргарите, сатирические и юмористические произведения — «Гистория о куще», «Повесть об авициях в 1735 году», жарты, фаденсы, шуточные куранты и рецепты, сатирические повести, сатира на епископа Федоса, панегирические песни и вирши, покаянные и умиленные стихи, старообрядческие повести и др.²¹

Много было сделано в области публикации текстов рукописных драматических произведений XVIII века (В. П. Адрианова-Перетц, И. М. Бадалич, П. И. Берков, В. Д. Кузьмина, В. И. Перетц, П. И. Понов, И. А. Шлякин, С. А. Щеглова и др.);²² Институтом мировой литературы им. А. М. Горького был издан пятитомный корпус «Ранняя русская драматургия (XVII—первая половина XVIII в.)».²³

Немаловажное значение в ряду названных трудов имеет монография Г. И. Моисеевой «Русские повести первой трети XVIII века».²⁴ В первой главе автор прослеживает историю изучения двух повестей — «Гисторий» о матросе Василии Карноском и дворянине Александре. В следующих главах дается текстологический анализ каждой из повестей на основе выявленных Г. И. Моисеевой 8 списков «Гисторий» о матросе Василии, 23 — «Гисторий» об Александре и 2 — повонайденной «Гистории» о шляхетском сыне. В книге рассматривается идейно-художественное содержание названных повестей, а также устанавливается их место в литературе петровского времени и определяется характер их влияния на повествовательную литературу, печатную и рукописную, 30—80-х годов XVIII века. В последнем разделе Г. И. Моисеевой опубликованы (критически, с учетом всех списков) тексты трех повестей по последнему слову энциклопедии науки. К сожалению, это образцовое издание единственное в своем роде. До настоящего времени не появилось ни одного критического издания текстов с учетом всех списков оригинальных и переводных рукописных произведений XVIII века.

Особое место в изучении «рукописной литературы демократического читателя» занимают современные учебные и академические курсы истории русской литературы XVIII века.

Следует отметить, что функциональная роль рукописной литературы в историко-литературном процессе первой четверти XVIII века была чрезвычайно сложной.

По подсчетам С. П. Луппова, из 761 изданного произведения только 84 (11%) были художественными («Эсоповы притчи», «Апофегмата», «Троянская история», панегирики, «слова», аллегорические описания торжеств, программы панегирических драм и т. д.).²⁵ Эта печатная литература не могла иметь успеха у читателей.

²¹ История русской литературы XVIII века. Библиографический указатель. — стр. 163—177.

²² Там же, стр. 135—143.

²³ Первые пьесы русского театра. Под ред. А. Н. Робинсона. Изд. «Наука», М., 1972; Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. Под ред. О. А. Державиной. Изд. «Наука», М., 1972; Пьесы школьных театров Москвы. Под ред. А. С. Демина. Изд. «Наука», М., 1974; Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. Под ред. А. С. Елосской. Изд. «Наука», М., 1975; Пьесы любительских театров. Под ред. А. И. Робинсона. Изд. «Наука», М., 1976.

²⁴ Русские повести первой трети XVIII века. Исследование и подготовка текстов Г. И. Моисеевой. Изд. «Наука», М.—Л., 1965.

²⁵ С. П. Луппов. 1) Книга в России в первой четверти XVIII века. Изд. «Наука», Л., 1973; 2) Печатная и рукописная книга в России в первом сорокалетии XVIII в. (проблема сосуществования). В кн.: Рукописная и печатная книга, стр. 182—192; Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. (XVIII век, сб. 9). Изд. «Наука», Л., 1974; Г. И. Моисеева. Проблемы становления

привыкшего к чтению произведений другого рода. Но поскольку старая система древнерусских литературных жанров оказалась нарушенной, а классицистическая система жанров еще не сложилась, в переходное петровское время наблюдается широкое распространение рукописной литературы многожанрового состава — проповеди и публицистика, «гистории», путешествия, шарты и фации, анекдоты, пародии, памфлеты, сатира, поэзия, — которая обслуживала как «верхи», так и «шзы» русского общества. Начиная со второй трети XVIII века, в век просвещения и Великой крестьянской войны, рукописная литература переходит в низший этаж русской культуры, решительно заявляет о себе как «литература демократического читателя».

Все эти особенности рукописной книжности в той или иной степени получили отражение в таких изданиях, как «Русская литература XVIII века» Г. А. Гурковского (1939), «История русской литературы» под общей редакцией В. А. Деницкого (т. I, ч. 2, 1941), академическая десятитомная «История русской литературы» (тт. III и IV, 1941 и 1947), «История русской литературы XVIII века» Д. Д. Благого (изд. 1-е — 1946), академическая трехтомная «История русской литературы» под редакцией Д. Д. Благого (т. I, 1958), «История русской литературы XVII—XVIII веков» А. С. Елеонской, О. В. Орлова, Ю. Н. Сидоровой, С. Ф. Терехова, В. И. Федорова (1969), «Русская литература XVIII века» О. В. Орлова и В. И. Федорова (1973), «История русской литературы и журналистики XVIII века» Л. Е. Татариновой (1973). О рукописной литературе обычно говорится в разделах «Время Петра I» и «Литературные течения, противостоящие дворянской культуре 1760-х—1780-х годов». В первом из этих разделов повесть петровского времени и отрывок «Романа в стихах» обычно характеризуются подробно, белло говорится о рукописной драматургии, школьной и придворной, о сатирической литературе и о поэзии того времени, входивших в «высокую» литературу, рассказывается и об исторических песнях, преданиях и легендах о Петре I, а во втором разделе рукописные повести рассматриваются как предшественницы романов и повестей Эммы, Чулкова, Попова, Комарова и др.; особое внимание уделяется антикрепостническим и антиклерикальным произведениям, таким, как «Плач холопов», «Плач экономических крестьян», «Юлия с просьбой в небесную канцелярию», «Челобитная к богу крымских солдат», «Повесть о нахринской деревне Камзиной» и «Сказание о деревне Киселухе», а также манифестам и указам Пугачева. Таким образом, в курсах истории литературы, как правило, отмечаются указанные выше различные функциональные особенности рукописной литературы: до середины XVIII века она по большей части участвует в составе «высокой» литературы в подготовке классицизма, а со второй половины века частично перемещается в низшие слои общества, становится в ряде случаев оппозиционной, противостоящей дворянской культуре. В томах III и IV академической «Истории русской литературы» в разделах, написанных В. Д. Кузьминой («Повести Петровского времени», «Рукописная книга и дубок во второй половине XVIII века»), В. П. Ариадновой-Перетц («Старообрядческая литература XVIII века»), И. П. Еремичем («Театр и драматургия начала XVIII века»), И. Н. Розановым («Стихотворство Петровского времени»), А. В. Запачовым («Памятники крестьянской литературы»), привлечено много ценного фактического материала. Однако история отдельных жанров рукописной литературы в их отношении к аналогичным жанрам «высокой» литературы осталась ненаписанной. Исключение представляет рукописная повесть, рассмотренная в изданных Институтом русской литературы «Истории русского романа» (т. I, 1962) и «Русской повести XIX века. История и проблематика жанра» (1973). В первом труде в разделе «Зарождение романа в русской литературе XVIII века» рукописная повесть выступает как предшественница романов 1760—1770-х годов — Эммы и Чулкова. Оригинальная сюжетная повествовательная проза, по мнению авторов раздела, проходит два этапа развития: первый — это «петровская повесть» и второй — повести 1730—1750-х годов (Карл и София, Архилабон, Яропол, Анна и Александр, Дикарионий и Елизавета, французский шляхтич Александр). Она противопоставлена классицизму, так же как и масса рукописных переводных повестей и романов французских, немецких и итальянских авторов: «Ариана» Демаре де Сен-Сорлена, «Клеопатра» Ла Кальпренеда, «Азиатская Бапиза» Циглера и Клипгаузена, «Калесандр» Марини и др., пугачовский роман Лесажа и Мариво, сентиментальный — Ричардсона и Прово, философский — Вольтера. Во втором труде в кратком разделе «Элементы жанра в беллетристике XVIII века» рукописная повесть рассматривается в том же самом плане — как чисто развлекательная литература, беллетристика. Автор раздела отмечает, что наряду с пеею появляются и предшественники сентиментальной прозы — «Житие Давида Симонеля» Сары Фильдинг, «История кавалера Делюкса», «Жизнь Карла Орлеанского и Анибеллы», «История Жанетты» и др.; в 1750-х годах завершается первоначальный этап формирования идеологии русского просвещения, а рукописная повесть передает свою эстафету оригинальным романам.

К сожалению, даже краткие исторические обзоры других жанров или точнее систем жанров «низовой» рукописной литературы XVIII века пока отсутствуют, хотя потребность в таких обзорах очень велика. Рукописная литература еще не изучается с точки зрения типологии и динамики структур художественных произведений.

* * *

Цельность, структурность, системность представляются нам тремя важными признаками современного литературоведческого подхода. Именно эти принципы лежат в основе предлагаемой ниже классификации.

Опираясь на опыт предшествующих исследований, мы выделяем три специфических типа «рукописной литературы демократического читателя».

Первый тип — светская литература. Характеризуется широким распространением в рукописях светских по происхождению повестей, оригинальных и переводных, произведений мелкой беллетристики (анекдотов типа фавстий, пародий и памфлетов), стихотворства (стихов геральдических, дидактических, сатирических, покаянных), драмы народного театра (малых форм и одноактовых бытовых комедий), крестьянской публицистики, домашних и семейных альбомов.

Второй тип — церковно-школьная литература. Характеризуется широким распространением среди духовенства и учащихся академий и семинарий в Белгороде, Вологде, Вятке, Иркутске, Казани, Киеве, Коломне, Москве, Новгороде, Петербурге, Пскове, Смоленске, Твери, Тобольске, Ростове, Рязани, Харькове, Холмогорах, Чернигове и других городах, а также в светских академиях и училищах произведений ораторской прозы, учительной и торжественной, легендарной литературы, агиографии, гимнографии, апокрифики, поэзии (канты, псалмы, духовные стихи, виршевые панегирики, стихотворные украшения, любовная лирика и т. п.), школьной драмы, учебно-научной литературы.

Третий тип — старообрядческая литература. Характеризуется широким распространением в рукописях в среде ревнителей «старой веры» произведений ораторской прозы, учительной и торжественной, старообрядческих повестей, легендарной литературы, агиографии, гимнографии (в том числе музыкальных произведений на крюках), апокрифики, поэзии.

За пределами выделенных типов остается рукописная масонская (дворянская по своему характеру) и сектантская «низовая» литература. О ней должна речь идти особо, в специальных исследованиях.

Подразделение рукописной «низовой» литературы на три типа основывается на общих эстетических и социальных принципах, позволяющих говорить об устойчивости каждого из выделенных типов. В дальнейшем следовало бы обратиться к сравнительному изучению типов, их отношений между собой и с «высокой» литературой. Это расширило бы наши представления об историко-литературном процессе XVIII века.

Каждый из трех типов необходимо, на наш взгляд, описать как эстетическую и идеологическую общность. Причем к их описанию следовало бы применить общелитературоведческие приемы. Нам интересно было бы в первую очередь, какую часть фактов действительности писатель отбирает, с какой целью их использует, в каких жанрах и какими средствами достигается оптимальный результат в области художественных обобщений. Исследователю должно вестись средствами типологии: необходимо иметь в виду при этом, что структурную основу художественного произведения составляет конфликт в его поэтическом воплощении — способы изображения характера, композиция и сюжет и, наконец, язык и стиль произведения. В этом плане ценные наблюдения уже сделаны в области драматургии (П. П. Берков, А. С. Демин, О. А. Державина, В. Д. Кузьмина, Д. М. Садыкова, Ю. В. Стенин и др.), повести (Н. А. Баглова, С. Ф. Елсонский, В. Д. Кузьмина, Г. Н. Моисеева, М. В. Николаева), произведений мелкой беллетристики (В. П. Адрианова-Перетц), песенно-кишечной поэзии (А. В. Позднеев). Церковно-школьная и старообрядческая книжность почти не рассматривается с точки зрения жанровых систем и структуры художественного текста.

Мы считаем также чрезвычайно существенным для изучения указанных типов установление репертуара и системы жанров, а также имен создателей произведений, их редакторов и переписчиков.

Важной задачей представляется нам выявление книжных центров и путей распространения книжно-рукописной продукции, проникавшей в самые отдаленные уголки Российской империи.

Так, для первого типа такими центрами были Петербург и Москва, где пахотились многочисленные группы образованных людей — опытных переписчиков и государственных служащих; последние «подрабатывали» переводами или сочинениями по заказу и переписыванием для продажи на книжных рынках любовно-авантюрных «историй», забавных анекдотов и жарт, политических памфлетов и пародий, виршей, кантов и псалмов, духовных стихов и любовной лирики.

Рукописная литература второго типа распространялась, кроме Петербурга и Москвы, в городах, где находились духовные академии и семинарии, митрополии и епископии.

Центрами для третьего типа являлись старообрядческие монастыри Выговский (основан в 1694 году) и Лексинский (основан в 1706 году), Великопожженский скит на Пижме, Стародуб и Ветка, Керженец и Иргиз, Рига (Гребенщикова община, с 1760 года), Москва (Преображенская и Рогожская общины, с 1770-х годов), Петербург (с 1780-х годов), Пошехонье Ярославской губернии и др.

Дальнейшее изучение книжных центров, равным образом как и установление имен писателей, редакторов, переписчиков, переводчиков, а также выявление и установление полного репертуара рукописной книжности зависит от того, с какой степенью интенсивности будет вестись сплошное обследование всех рукописных собраний библиотек, музеев и архивохранилищ СССР, содержащих рукописные сборники XVIII века. Справочники А. Н. Пыпина, М. Н. Сперанского, Е. А. Болховитникова, Филарета Гумилевского, А. В. Арсеньева, Павла Любопытного и В. Г. Дружинина основаны на просмотре лишь части рукописного наследия, приблизительно около одной его трети. Недостаточно обследованы богатые рукописные собрания Москвы (например, Музейное собрание Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, собрание Литературного музея (далее: ГЛМ), ЦГАДА (ф. 1338), ЦГАЛИ), Ленинграда (Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее: ГПБ), Библиотеки АН СССР, Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (далее: ЛОИИ) и особенно Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (далее: ИРЛИ), в последнем ценнейшее собрание поздней старообрядческой книжности русского Севера, состоящее примерно из семи тысяч рукописей), Горького, Казани, Калинин, Киева, Кирова, Костромы, Куйбышева, Новосибирска, Ростова, Саратова, Углича, Ярославля и других городов. Нам хотелось бы обратить внимание также на происхождение и судьбу сборников в составе частных и государственных библиотек.²⁶

Полученный в результате обследования материал будет способствовать выявлению социального состава и интересов читателей рукописной книги XVIII века, т. е. позволит продолжить работу, начатую Н. Н. Виноградовым, В. В. Бушем, В. Н. Перетцем, М. Н. Сперанским. Исторически сложившиеся комплексы рукописных сочинений XVIII века должны привлечь внимание исследователей в первую очередь. Пример подобного комплекса — Библиотека Выйской горнозаводского училища на Урале (1758), принадлежавшего Демидовым. Когда-то она насчитывала до 10 000 книг. Часть рукописных книг этой библиотеки (22) сохранилась в Научно-справочной библиотеке Государственного архива Свердловской области, а две — в Библиотеке Нижне-Тагильского краеведческого музея.²⁷ Библиотека, большинство рукописей которой датируется серединой — концом 70-х годов XVIII века, была предназначена для служащих заводов Демидовых в Нижнем Тагиле и учащихся местного горнозаводского училища. Подбор книг свидетельствует о высоком культурном уровне как владельцев библиотеки, так и читателей. Здесь немало списков произведений переводной беллетристики: «Арабские сказки „Тысяча и одна ночь“» (пер. 1744 года), «О действии дружеском» (8-я новелла 10-го дня из «Декамерона» Д. Боккаччо), «История Жанетты» Жайар де ла Батай (пер. 1744 года), «Мемориал милорда Де», «Зелен и Дамазина» Ле Живр де Рибурга (рукопись 1750 года), «История о Епаменонде и Целериане» Серап де ла Тура (пер. 1741 года), «История о Алкаменесе, принце скифском» — эпизод из романа Ла Кальпренеда «Клеопатра», «Римские кавалеры и дамы» Скюдери, «Жизнь одною человека» (пер. 1744 года) и «Лукавый в любви соперник» (рукопись 40-х годов XVIII века); последних двух повестей нет в справочнике А. Н. Пыпина. Из исторических сочинений здесь хранится список «Хроники» Мартина Кромера 1735 года, переведенной К. Кондратовичем, учителем Екатеринбургской цифирной школы, имеются «Известия, служащие к истории Карла XII» В. Тейльса, «Пепел французской репутации» (пер. 1744 года), «Показание изъясненное поступок дворов венскаго и саксонскаго» (пер. 1756 года); из этнографических сочинений — копия 1770-х годов с автографа

²⁶ Перечень библиотек XVIII века см.: С. П. Луппов. Книга в России в первой четверти XVIII века; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1—2. Киев, 1891—1892; Д. В. Ульяновский. Среди книг и их друзей, ч. I. М., 1903, стр. 81—138; У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России. Опыт библиографического указателя, ч. 1—2. СПб., 1911—1912; И. Ф. Мартынов. Частные библиотеки в России XVIII в. В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1975. Изд. «Наука», М., 1976, стр. 101—116; С. П. Луппов. Книга в России в послепетровское время. 1725—1740. Изд. «Наука», 1976.

²⁷ Краткое описание 15 книг Выйской библиотеки см.: Е. И. Дергачева-Скоп. Старинные рукописные книги в хранилищах Свердловска. «Труды Отдела древнерусской литературы» (далее: ТОДРЛ), т. XXVI, 1971, стр. 342—343. Принадлежность книг данной библиотеке устанавливается по припискам, штампам и старым номерам.

работы С. П. Крашенинникова «Описание камчатского народа». Среди произведений нравственно-философского характера в Выйской библиотеке находим труд И. А. Гофмана «О спокойствии и удовольствии человеческом» (пер. 1742 года С. С. Волчкова), «Школа, или наука человеческая» (пер. 1757 года С. С. Волчкова), «Шляхетных детей светской истории, географии, генеалогии... обучающий гофмейстер» Ш. Л. де Лонэ (пер. 1757 года С. С. Волчкова), «Катихизис», а также сборник указов Синода. Две музыкальные рукописи — партитура с текстом на русском языке комической оперы К. Маццола на музыку А. Сальери «Училище ревнивых» и партитура «La moglie sarcisiosa del Signor G. Gazzaniga» — свидетельствуют о высокой музыкальной культуре нижнетагильцев, ставивших и исполнявших в конце 70-х годов XVIII века оперы на русском языке. Мы предполагаем, что большинство рукописей было привезено Демидовыми из Петербурга и переписано по их заказу для Выйского училища.

Другой такой комплекс — библиотека капитана Якова Яковлевича Мордвинова (1729—1799), помещика Новоладожского уезда Петербургской губернии, который всю свою жизнь собирал и сам переписывал книги. Когда-то эта библиотека насчитывала многие сотни книг. Через его правнука В. П. Мордвинова она поступила в Ростовский музей. С нею был знаком еще А. Н. Пыпин и приложил к своему справочнику список, заключающий свыше двадцати повестей рукописной беллетристики XVIII века.²⁸ Хотя в 1923 году Н. К. Пиксанов напомнил слова А. Н. Пыпина, что «собрание Мордвинова является редким образчиком цельной беллетристической библиотеки первой половины прошлого века»,²⁹ только в 1960 году исследователи снова заинтересовались этой библиотекой. Г. Н. Моисеева выступила на заседании группы XVIII века Пушкинского дома с докладом «Малоизвестные сатирические произведения XVIII века из собрания Я. Я. Мордвинова (по рукописям ГПБ)». В настоящее время ее остатки находятся в Ростовском музее, в Литературном музее в Москве, в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде. В результате просмотра рукописей Литературного музея нам удалось установить, что рукописи №№ 46—90 и 92 принадлежали Я. Я. Мордвинову и что некоторые из них переписаны его рукой. Среди них встречаются многие произведения «высокой» и «пизоной» литературы, памятники фольклора и древнерусской литературы. Известный А. Н. Пыпину сборник повестей «1738 года» (ГЛМ, № 60, бывш. Рост. 405), как оказалось по филиграммам (медведь с алебардой и буквами ЯМЗ и надписью «1759 года»), датируется концом 50-х—началом 60-х годов XVIII века, а не 1738 годом. Кроме известных «Челобитной» Василия Полозова (лл. 18 об.—21 об.), «Истории о Долгоруке» (лл. 21 об.—63), «Истории о Франце Имензолусе» (лл. 79—99 об.), он содержит неизвестные повести об Александре и Евграфу (лл. 1—18) и о Фларенте и Георгии (лл. 63 об.—78 об.). Неизвестные повести об Азмани (или «Новости Египетские») и Албиронде (или «Новости Африканские») находятся в сборнике Литературного музея, № 70, 1750 года, па листах 35—41 об. и 42—94. Чрезвычайно любопытен и сборник Литературного музея (№ 67, 1784 года), содержащий переводы рассказов о путешествиях XVI—XVII веков в Африку, Индию, Китай, Японию, на Канарские острова и острова Зеленого мыса. В середине сборника находится «Путешествия и приключения португальца Мендеца Пинта, повествуемая им самим» (лл. 65—122 об.). Это классическое произведение португальской прозы второй половины XVI века Фернандо Мендеса Пинто (Perigrinaçao, Lisboa, 1614; у Пыпина нет).

Назовем также неизвестные прежде рукописные произведения XVIII века, найденные нами в последнее время. Среди них подносной экземпляр книги, подаренной Екатерине II в 1762 году с посвящением ей от сержанта лейб-гвардии Преображенского полка Николая Сергеевича Хлопова. Книга содержит перевод философского романа «Разговор европейца с жителем острова царства Дюмокальского», сочиненного польским королем Станиславом Лещинским (ГЛМ, № 130; у Пыпина нет).

В Славянской библиотеке в Праге мы нашли неизвестный прежде сборник переводных повестей конца XVIII века «Театр любви и счастья чюдеса предеца»

(R $\frac{091}{14}$ / T 4305), В. П. Степанов недавно нашел и исследовал русскую плутовскую

повесть конца XVIII века «Анисимыч. Истинная быль с прибавочкою, или Превращение расколника в романического любовника, выдавшего наяву чертей. Российское сочинение» (ИРЛИ, собрание Величко, № 15, 1793 год). Н. В. Пошарко во время археографической экспедиции в Вологодскую область в д. Березник Тарногского района у Д. С. Бакшеевой нашла список 70—80-х годов XVIII века «Истории о гишпанском министре Вильгельме и о детях его» (ИРЛИ, Вологодское собрание 1974 года, № 10 (39)), оказавшийся более исправным и полным, чем ранее изданный.³⁰ В описаниях рукописей встречается немало упоминаний повестей

²⁸ А. Н. Пыпин. Для любителей книжной старины... В кн.: Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891, стр. 196.

²⁹ Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть..., стр. 16.

³⁰ П. Н. Берков, В. И. Малышев. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века. ТОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 408—426.

XVIII века, не зафиксированных в справочниках А. Н. Пыпина и М. Н. Сперанского. Среди них следующие: «История о принцессе Германе, бывшей сперва любовию гонимой, а потом во оной щастливой. Пер. с нем. на российской язык» (Научная библиотека Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (далее: СГУ), собрание П. М. Мальцева, № 749), «История графини Демиролии» (ЦГАДА, ф. 1388, оп. 1, № 165), «Повесть о Лабеле и звере. С фр. пер. Хюния Демидова в СПб., 1758 года» (СГУ, собрание И. А. Шляпкина, № 456 (202/207)),³¹ «История о королевском сыне Леониде и о его предках и о императорской дочери Елипсиаске», «История о Милитиере» (ЦГАДА, ф. 1338, оп. 1, № 172, лл. 2—8, 1, 9—15), «История происхождения славной интриганки донны Руфины, сел и лесов жительницы. Пер. с гишпанского языка на фр., а с того на русскую 1747 году мая 10» (СГУ, собрание П. М. Мальцева, № 733), «История о португальском королевиче Франце и о прекрасной королеве Елеонете» (ЦГАДА, ф. 1388, оп. 1, № 180, лл. 1—16 об.), «История о храбром воине Кроне, принце Тринадцатимурнии, о Алламоде Иосафенко, королевском принце Велуландре и о прочих персонах» (бывш. Тамбовского губернского архивбюро, № 1204).³²

В настоящее время еще не установлено местонахождение следующих повестей: «Разгневанная судьба, или приключение валахского вельможи Д»,³³ Архилабон, Акат и Афастина, Бонневаль, Галант Саксонский, Донбург, Дорита и Прозерпина, Елеонора, Жебукор, Зеленая птица, Коронат, Милитея, Мурат и Туркия, Одалиска, Польвиц, Фердинанд, Цылодон и Цыцылия, Эвксимус и др.³⁴

Репертуар рукописных повестей можно пополнить, изучив тексты переводных произведений. Так, из 127 повестей А. Н. Пыпин указал иностранный источник только для 40. Не найден еще печатный источник для «Исправного человека при дворе, или Похождения графа фон Ривера. Поправленное издание с критическими рассуждениями Г. Ф. Лоень. Том первый, перевел А. К. П. Л.» (ЦГАДА, ф. 1338, оп. 1, № 180), «Романа о доне Рамиро и Изабелле» (СГУ, собрание И. А. Шляпкина, № 461 (92/207)) и многих других. Атрибутирование повестей, считающихся переводными, может привести к выявлению ряда оригинальных произведений.

Следует также пересмотреть датировку некоторых сочинений, традиционно отнесенных к XVII веку. Первой четвертью XVIII века, по всей вероятности, можно было бы датировать повести о Василии Златовласом, о царе Василии Константиновиче, о Велиаме, о Карпе Сутулове, о португальских и бранденбургских мудрецах, о Фроле Скобееве, а из числа переводных — «Повесть о болгарской царевне Персике».³⁵

В результате работы исследователей над рукописями репертуар повестей XVIII века постоянно уточняется: если М. Н. Сперанскому было известно 9 таких повестей, то теперь их насчитывается более двух десятков. Подобную же работу следовало бы провести и в отношении других жанров первого типа, а также второго и третьего типов рукописной «низовой» литературы XVIII века.

Итак, мы выделяем следующие нуждающиеся в изучении проблемы: соотношение и взаимодействие рукописной и печатной книги; соотношение и взаимодействие «низовой» рукописной и «высокой» печатной литературы; типы «низовой» литературы как устойчивые, сложившиеся исторически литературно-эстетические общности; история каждого типа в динамике, жанровая система и репертуар произведений, писатели и книжные центры, художественное произведение как структура, источники рукописных произведений, взаимодействие писателя и читателя; сравнительное изучение типов рукописной «низовой» литературы.

Дискуссионными являются вопросы, тесно связанные с намеченной проблематикой. Так, например, не ясно, входят ли в понятие «рукописная литература» рукописи произведений писателей, приготовленные к печати, но по тем или иным причинам ненапечатанные и получившие распространение в виде рукописей за несколько лет или десятилетий до выхода в свет печатного произведения; входят ли

³¹ «Сказка о красавице и звере» вошла в состав «Разговора г-жи Благоразумовой. Остроумовой и Вертопраховой» (1767 года) (Государственный исторический музей (далее: ГИМ), Музейное собрание, № 3081).

³² К числу неизданных и неисследованных следует отнести также «Повесть об английской королеве Елизавете» (рукописи ГИМ, Музейное собрание, №№ 1283 и 4633; ср.: Г. Н. Моисеева. Русские повести первой трети XVIII века, стр. 37, 86, 127, 128) и «Повесть о сыне Вены и Александра, цесаре Германе» (рукопись ЛОИИ, ф. 115, № 130, лл. 46—118 об.; ср.: Г. Н. Моисеева. «История о французском шляхтиче Александре». ТОДРЛ, т. XVII, 1961, стр. 291).

³³ См.: «Библиографические записки», 1892, № 9, стр. 605—608.

³⁴ А. Н. Пыпин. Для любителей книжной старины..., стр. 203 и сл.

³⁵ В древлехранилище Пушкинского дома имеются два списка «Повести о болгарской царевне Персике» с припиской переводчика Иерофея Иосифовича о том, что он перевел эту повесть с латинского языка в Москве в Славяно-греко-латинской академии в 1720 году (см.: В. И. Малышев. А не связано ли с Ломоносовым? «Правда Севера», 1973, 4 марта, стр. 4).

в понятие «рукописная литература» списки с печатных произведений; где пролегал та грань, которая отделяет творения, принадлежащие к «высокой» литературе, от произведений «низовой» литературы; в чем конкретно проявляется взаимодействие «высокой» и «низовой» литературы; возможно ли говорить о литературно-эстетической общности и жанровой системе рукописной «низовой» литературы первого типа, состоящей из повестей, пародий, вирш, драм и т. д. разного происхождения, т. е. имеющих источниками различные произведения русской и зарубежной литературы многих направлений; как относятся масонская и сектантская рукописная литература к трем выделенным типам; в каких конкретных формах проявилось отношение демократического читателя XVIII века к произведениям разных жанров и разных типов рукописной литературы; в чем состояло воздействие древнерусской литературы и русской литературы XVII века на рукописную книжность XVIII века; как влияли европейские (польская, немецкая, французская, итальянская и др.) литературы, а также литературы Украины и Белоруссии на рукописную книжность XVIII века; какое место занимают три выделенных типа рукописной «низовой» литературы XVIII века в общем историко-литературном процессе XVIII века.

Будущую работу по указанной проблематике было бы желательно, на наш взгляд, вести в следующих направлениях: во-первых, всемерно расширять планомерную археографическую базу рукописной литературы XVIII века путем сплошного и планомерного археографического обследования всех рукописных собраний; во-вторых, собрать списки произведений рукописной литературы, исследовать с помощью методов современной текстологии историю каждого из них, точно или приближенно установить авторский текст, источники; в-третьих, подготовить критические издания важнейших памятников рукописной литературы с учетом всех списков; в-четвертых, издать антологию произведений рукописной литературы по жанровым или тематическим признакам; в-пятых, подготовить обобщающие истории каждого из трех типов рукописной «низовой» литературы XVIII века.

Уже имеется «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800» (тт. 1—5 и дополнительный том, изданный в 1975 году). Но еще не создан «Сводный каталог рукописной книги XVIII века». Создать такой каталог, начав работу со сплошного археографического обследования рукописных собраний Москвы и Ленинграда, как советовал П. Н. Берков, — неотложная задача. Может быть, начинать стоило бы с составления библиографии рукописного романа и повести XVIII века по типу библиографий древнерусской повести Н. К. Пиксанова, В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, А. А. Назаревского.